

На исходе пятого года Великой Смуты, на пепелище разорения на багровой земле Революция вновь возвращается к бескровным истокам своим; вновь обретает общенациональное и мировое признание.

<...>

* * *

Опираясь на мощный военно-государственный аппарат и на всенародную коалицию живых сил, новая Россия преодолеет стоящие перед нею великие испытания и трудности: избежит опасности колониального порабощения и хозяйственного провала.

Новая Россия в синтезе революционных борений — грядет как государство независимое, сверхнациональное и экономически преобразенное...

«Смена вех»

Ряд литературных отзывов и общественно политических выступлений о «Смене вех» обнаружил, что некоторые основные сменовеховские положения поняты в России превратно. В этом, до некоторой степени, виноваты и сами авторы сборника.

«Заглавие и отчасти первая статья сборника, — справедливо замечает С. С. Лукьянов, — многих толкнули на мысль, что мы сменяем “Вехи”, а не вехи. Между тем ни Ю. В. Ключников (кадет), ни я (тоже бывш. кадет), ни другие участники сборника, а тем более — журнала, не исходили и не исходим из веховской идеологии».

Это замечание крайне ценно, так как оно сразу охладит пыл иных полемистов и слева и справа, которые с большой воинственной торжественностью берут несуществующие барьеры и одерживают победы над измышленными противниками. Совершенно очевидно, что для практических выводов сборника старые «Вехи», как отправной пункт, отнюдь не обязательны. Авторы сборника с таким же успехом могли бы исходить из какой-либо иной старой позиции, ибо многие старые позиции нашей интеллигентской общественности в новой исторической обстановке смене подлежат и идейной модификации поддаются. Дело не в «Вехах» и даже не в вехах без кавычек, а в сме-

не. «Смена вех» — явление, пересмотра, переоценки, — переоценки, по преимуществу, *тактической*.

Здесь таится уже второй ключ к уразумению этого нового течения. Их пересмотр старых позиций относится непосредственно к формам политического действия сегодняшнего дня, не преследуя ни более глубоких идеологических задач, не охватывая даже революции в ее полной, и целостной современной международно-исторической композиции. Кой-кто из сменовеховцев, правда, соглашается с тем, что пересмотру и переоценке подлежат самые основы старой идеологии и предпосылки прежнего мировоззрения, но в общем и целом отсылают эти академические вопросы «в историю», до более спокойных времен.

Сейчас же и непосредственно для сменовеховцев решающим мотивом являются *практические* задачи эмигрантской общественности. Вот почему для правильной оценки этого нового течения вышедший *в прошлом году* сборник совершенно не достаточен. Физиономия группы выявилась в гораздо большей мере в еженедельнике «Смена вех», чем в сборнике, а того больше, — в их многочисленных выступлениях перед эмигрантской аудиторией и в их повседневной деятельности. В эмиграции накопилось до двух миллионов человек, которые должны быть возвращены в Россию и которые в нынешнем своем психическом состоянии вернуться, однако, не могут. Группа «Смена вех» ведет среди них широкую агитацию в пользу советской власти и считает это одной из своих важнейших задач. Одновременно «Смена вех» пытается в этом же смысле воздействовать на европейское общественное мнение и отчасти даже на правительственные круги...

Подчиняя всю свою деятельность этим совершенно ясно очерченным конкретно-служебным практическим задачам, сменовеховцы, по необходимости, отодвигают идеологический пересмотр как бы в даль будущего.

Таким образом, сменовеховцев вместо той или иной идеологической концепции или, хотя бы программно — политической формулы объединяет столь *не* определенный и расплывчатый лозунг, как «приятие революции» и, наряду с этим, совершенно определенные и ясно очерченные практические задания.

Коль скоро обязательным для группы становится не то или иное идеологическое устремление, а единомыслие в области конкретно служебной задачи вербовки сторонников советской власти, то известная несогласованность хора в значительной степени должна явиться *преднамеренной*, так как родит сочувственное эхо в наиболее разнообразных кругах эмиграции: всякий находит себе по вкусу.

«Мы и в своей теснейшей среде, — поясняет Ю. В. Ключников, вовсе не ищем абсолютного тождества взглядов. Мы как бы представляем равнодействующую новых течений, которая в значительной мере достигается тем, что более радикальные точки зрения компенсируются менее радикальными у других авторов, и что сознательно мы не уклоняемся ни слишком вправо, ни слишком влево. К тому же, оторванные от России, мы не можем считать своих теперешних точек зрения окончательными» ...

Эта заключительная фраза, конечно, особенно характерна и знаменательна. С другой стороны, характерно и то, что «Смена вех» не считает устряловской позиции для всей группы определяющей. Устрялов в своем ответе Струве (№ 3 журнала «Смена Вех») ¹ себя определенно называет воспитанником «Вех» и всю полемику ведет в тонах еретических речей против «старо-веховской» ортодоксии, а С. С. Лукьянов замечает: «право же, Струве интересен во всем этом не более прошлогоднего снега», и в другом месте: «в этом отношении (идеологическом) слова и мысли Устрялова наименее, пожалуй, показательны». Не принимает «Смена вех» и устряловского термина «национал-большевики». Устрялов остается, по-видимому, на крайнем правом фланге, а основное ядро «сменовеховской» группы свою эволюцию, как можно судить по их еженедельнику, усиленно продолжает. «Спуск на тормозах», к тому же, в самых разнообразных направлениях, в рядах сменовеховцев идет. Постепенно начинает утрачиваться, к сожалению, не только единство позиции, но и единство настроения.

Точка зрения Н. Устрялова формулирована с классической ясностью и точностью в статьях «Две реакции» ² и «Национал-большевизм» ³. Революцию Устрялов считает «затянувшейся». Неизбежна реакция, но сейчас возможны лишь две реакции. Одна «откровенная *реставрационная*». Непрошедшая сквозь испытания революции. Неусвоившая великий опыт, а целиком игнорирующая его». Не «преодолевающая», а лишь «отрицающая революционный период». И другая — «здоровая и плодотворная», «претворяющая в себе некоторые мотивы белого движения 19 года», опирающаяся на перерождение и эволюцию большевизма.

Устрялов предлагает «союз дружбы» этой «здоровой реакции с революцией, ибо «другой путь» — «возврат к капитализму через новую политическую революцию — при данной обстановке «несравненно более эфемерен, извилист и разрушителен».

И не потому Устрялов стоит за «союз дружбы», чтобы он никак не мог помириться с реакцией » монархией. Отнюдь. Устрялов — че-

ловец «без предрассудков». «Черное движение опасно, — поясняет он. — Его успех был бы национальным несчастьем. Не потому, что оно — *реакция*, а потому, что оно — *дурная* реакция. Не потому, что оно несет с собой *монархию*, а потому, что старая монархия *насквозь гнила*. Оно приведет к торжеству людей, которые, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились».

А на другом фланге — С. С. Лукьянов, который считает революцию не только не затянувшейся и не завершённой, но лишь нарастающей во всем мире. Вместо «возврата к капитализму» у него «новое понимание права собственности», которое «ошибочнее всего было бы считать возвратом к старому буржуазно-демократическому порядку вещей». Вместо российского великодержавия в старом смысле слова у него — «новое разрешение международной проблемы в направлении единого мирового союза всех трудящихся» — «Мировая Советская Республика» (см. выше, отд. «Дискуссионная кафедра»)⁴. С. Лукьянов верит в некий пацифистски-эволюционный путь этого всемирного хозяйственно-политического преобразования.

И та и другая точки зрения уживаются под общей гостеприимной а крышей «Смены вех». Эволюционный большевизм и... вера в эволюцию большевизма. Саморастворение в коммунизме и... надежда на саморастворение коммунизма. «Мирная» революция и... здоровая реакция.

«Смена вех» пытается примирить, уравновесить, сбалансировать путем «компенсаций» такие диаметрально-противоположные не только идейно, но и по основному настроению своему позиции, что начинает утрачивать направляющую и даже определяющую силу.

«Смена вех» была знаменем идейно-политических переоценок и для эмиграции сыграла и, очевидно, продолжает еще играть выдающуюся роль. У нас, в России, процесс приятия революции, пересмотра старых позиций и некоего биологического взаимоприспособления живых сил страны (в первую очередь военной интеллигенции и советской власти) на основе служения национально-государственным интересам начался уже давно и в некоторых областях дал уже богатые результаты. Процесс этот в акушерах не нуждается, и мы к этой роли менее всего приспособлены.

После революционной бури наступает затишье. Кровавый туман войны и революции поднялся, отошел. Проясняется лик земли, и мы впервые получаем, наконец, благодатную возможность схватить события в их правильной исторической перспективе.

И остающаяся на идейном распутье российская интеллигенция (не эмигрантская, не из России № 2) сейчас ощущает острую нужду

в новой идеологии, которая сменила бы обветшавшие или сгоревшие в огне революции партийные деления, которая бы совершенно однозначно и определительно осмыслила бы пережитое, осветила бы перспективы грядущего.

Революционная работа разложения, а затем и разрушения старой интеллигентской идеологии совершена уже давно. Сейчас на очереди положительная работа: творческое созидание новой идеологии, построенной на поучительном опыте революции.

И, конечно, полудифференцированный в идеологическом отношении хаос «Смены вех» не может послужить лоном самоопределения России № 1. Он знаменует лишь общую тенденцию к переоценке прошлых позиций и к приятию революции, т. е. этап, давно нами пройденный.

Наша группа, на идейном знамени своем написавшая «Новая Россия», не ставит себе никаких конкретно-служебных, злободневно-политических целей и задач, тем более, ограниченных пределами филантропического врачевания эмигрантских душ или наставления кого-либо «на путь истинный». Мы стремимся ответить духовному запросу современной российской интеллигенции, облегчить ее мучительные искания новых путей, обрести вместе с нею новую идеологию, революционную по своему творческому духу и социально-этическому устремлению. Мы ратуем за новое сближение с народом, от которого почерпаем силы свои — сближение на этот раз менее сантиментально-идиллическое, а основанное на поздней мудрости революционного опыта и взаимно утишенных обид.

Уже один факт нашего пребывания здесь, в суровой российской действительности, а не в прекрасном далеке эмиграции, налагает на нас многие обязанности, требует большой ответственности и дарит иные скупые права. Нам, например, не позволено тешить себя тем, что «оторванные от России, мы не можем считать своих теперешних точек зрения окончательными»... Мы все время — здесь, и суд наш должен быть окончательным и не может быть иным. Мы не только «присутствуем» в России, мы участвуем в ней. Плуг революции прошелся и по нашим спинам. К сугубой ответственности взывают пережитые годы. Довольно ошибок и довольно колебаний! Это мягкий и нежный А. П. Чехов, дореволюционный и довоенный, скорбел, что в нас много фосфору, но мало железа». Революция принесла нам, наконец, этот дар. Мы требуем от интеллигенции и, в первую очередь, от самих себя глубокого чувства ответственности, мужественности и решимости. Поэтому слова наши и, тем паче, позиции, не могут и не должны быть ни многообразны,

ни многозначны. Долой рефлексию и да здравствует простота, ясность и твердость!

Факт пребывания нашего здесь наложил и другую печать. Ведь все мы — очевидцы, понятые пятилетнего «перманентного» революционного акта. И здесь, как и во всех великих, простых и таинственных актах природы, одни и те же органы предназначены и для яркого плодотворящего экстаза и для низменных отправления. Мечи революции, раньше, чем перевоплотиться в орала, превращаются в ножи гильотины. А гильотина, как и всякая машина, подчиняется закону инерции. Мы были бы слепцы, если бы этого не видели. Мы были бы трусы, если бы это замалчивали. Мы будем *активно* защищать революцию от всякого на нее посягательства, потому что чувствуем себя ее органической частью, пламенно убеждены в ее священной правде и великой правоте. Но именно потому, что она — *наша*, мы с тем большей настойчивостью будем осуждать, порицать и бороться с жестокостью, мародерством, невежеством, бесчестностью, чванством и произволом, которые плодит переходное время. Не критика ради критики, а критика ради творчества, ради исправления и уврачевания.

Своеобразная психологическая аберрация создается вдали от родины, и в двух цветах представляется там Россия, — либо погребально-черных, либо идиллически розовых. Либо полное отрицание реальности современной революционной России, либо какой-то мистический всепокрывающий пан-руссизм. Нам ли, среди калужской и тамбовской действительности, повторять эти же *идейные галлицизмы!*

И еще одно. «Смена вех» выполняла революционно-разрушительную работу в отношении старой идеологии, когда волна великого пересмотра докатилась до эмиграции. Но, по правильному наблюдению П. Б. Струве, это течение родилось из русской *не эмигрантской* почвы и отражает какие-то внутренние борения, зачатые и рожденные в революции». Мы, его здесь давно пережили не только умозрительно, но и действительно. Отдельные представители военной интеллигенции (В. Ф. Новицкий⁵) формулировали его с полной ясностью еще в начале 1919 г. (см. выше «Великий синтез»⁶). Сейчас пришла пора кристаллизовать новые символы веры, и мы эту работу здесь начинаем.

Не саморастворение в большевизме, а самоопределение в революции, вот наш лозунг. Сотрудничество с советской властью перестало уже здесь быть паролем. Это для всей российской интеллигенции — давнишняя реальность. Но сотрудничество не есть слияние. Мы па-

мятуем, что большевизм — только часть революции, а мы ищем идейно-эмоциональной близости с целым и продуманно-сознательной и самостоятельной позиции, ибо, повторяем, среди идейного распутия и хаоса пришла пора кристаллизации новых отправных пунктов, предпосылок пореволюционного мирозерцания интеллигенции.

Не политические программы и не тезисы практического действия ищем мы (это дело будущего и, быть может, далекого), а лишь новые социально-этические русла.

«Смена вех» слишком оторвалась от России; от ее неприкрашенной действительности, ее живых нужд и запросов, слишком замкнулась в скорлупу эмигрантщины. «Смена вех» замкнулась и во вторую скорлупу узкого и непосредственного политического действия, и тем наложила на себя крайнюю практическую ответственность, оставаясь идеологически на позициях отчасти устарелых, отчасти взаимно противоречивых, а потому и безответственных.

При всем том «Смена вех» несомненно сыграла исключительную роль в отрезвлении эмиграции. Для Парижа и Праги они — несомненные глубокие российские почвенники, хотя бы уж самым фактом терпимости к современной России, что знаменует политику открытых глаз. «Смена вех» сыграла свою роль и в России, выведя из состояния политического анабиоза наиболее консервативных, упрямых и тупых.

Революционно-бодрствующий и возбуждающий лозунг пересмотра и переоценки, брошенный в косную интеллигентскую среду, родил несомненно живой отклик. И это, по справедливости, надо занести в актив. «Смены вех», независимо от пассивных статей.

Дни нашей жизни

<Фрагменты>

I

Русский дух всегда — в необъятности целей.

«Никто необъятного обнять не может», — это — саркастическая улыбка русского духа над самим собою.

Русский империализм (от океана до океана), русское мессианство (с Востока свет), русский большевизм («во всемирном масштабе»), — все это величины одного и того же измерения. Но... «никто необъ-